- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-140-145
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КЫРЛАН Марчел Георгиевич,
научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: marcel_carlan2003@yahoo.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *Кредитная организация, совмещающая банковскую и инвестиционную деятельность, подчинена многочисленным публично-правовым требованиям – лицензионным, пруденциальным, требованиям к поведению на финансовом рынке и к допуску клиентов к сложным инструментам. В законодательстве и практике нет устойчивого ответа на вопрос, какие гражданско-правовые последствия влечет их нарушение. Расширительное толкование п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации ведет к признанию ничтожной почти любой сделки, совершенной с нарушением банковского регулирования, а сведение реакции к надзорным мерам оставляет клиента без защиты и позволяет обходить специальные ограничения договором. В статье предлагается функционально-целевой критерий, требующий установить содержание нарушенного требования, охраняемый им интерес, связь этого интереса с положением контрагента и соразмерное частноправовое последствие. Обосновано различие между требованиями, направленными на устойчивость кредитной организации, и обязанностями, которые непосредственно защищают волеизъявление, осведомленность или имущество клиента. Нарушение пруденциального ограничения само по себе не порочит сделку; нарушение требования, установленного в интересах клиента, оценивается с точки зрения действительности волеизъявления, надлежащего исполнения и права на возмещение убытков. Анализ российского и азербайджанского права, а также английского, германского, нидерландского и швейцарского опыта показывает, что такой подход исключает и устранение специальных ограничений через договор, и необоснованное разрушение имущественных связей. Сформулировано предложение о законодательном закреплении критерия.*

Ключевые слова: *кредитная организация, инвестиционная деятельность, недействительность сделки, публичные интересы, специальная правоспособность, пруденциальные требования, защита инвестора, тестирование, возмещение убытков, Азербайджанская Республика.*

Для цитирования: *Кырлан М. Г. Гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 140–145.*

KYRLAN Marcel G.,
Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

CIVIL-LAW CONSEQUENCES OF BREACHING PUBLIC-LAW RESTRICTIONS ON THE INVESTMENT ACTIVITY OF A CREDIT INSTITUTION

Annotation. *A credit institution that combines banking and investment business is subject to numerous public-law requirements, including licensing rules, prudential limits, conduct-of-business rules and rules on admitting clients to complex instruments. Neither legislation nor practice gives*

a settled answer as to the civil-law consequences of breaching them. A broad reading of Article 168(2) of the Russian Civil Code leads to treating almost any transaction concluded in breach of banking regulation as void, whereas confining the response to supervisory measures leaves the client unprotected and allows special restrictions to be circumvented by contract. The article proposes a functional and purposive criterion that requires establishing the content of the breached requirement, the interest it protects, the link between that interest and the position of the counterparty, and a proportionate private-law consequence. It distinguishes requirements aimed at the soundness of the credit institution from duties that directly protect the client's intent, awareness or property. A breach of a prudential limit does not in itself vitiate the transaction; a breach of a requirement laid down in the client's interest is assessed in terms of the validity of consent, proper performance and the right to damages. An analysis of Russian and Azerbaijani law and of English, German, Dutch and Swiss experience shows that this approach rules out both contracting out of special restrictions and the unjustified unravelling of property relations. A proposal for enacting the criterion in legislation is formulated.

Key words: *credit institution, investment activity, invalidity of transactions, public interest, special legal capacity, prudential requirements, investor protection, appropriateness test, damages, Republic of Azerbaijan.*

For citation: *Kyrlan M. G. Civil-law consequences of breaching public-law restrictions on the investment activity of a credit institution. Russian scientific bulletin. 2026;(11):140–145. (In Russ.).*

Введение

Кредитная организация, оказывающая инвестиционные услуги, одновременно подчинена банковскому регулированию, законодательству о рынке ценных бумаг, а теперь и законодательству о цифровых правах. Каждое из этих направлений устанавливает свои публично-правовые требования. Одни определяют условия допуска к деятельности, другие ограничивают объем риска, третьи предписывают правила поведения по отношению к клиенту и процедуры его проверки до совершения сделки. Надзорные последствия их нарушения определены достаточно подробно. Гораздо менее ясно, что происходит со сделкой, заключенной с нарушением, и с имущественным положением клиента. Здесь практика колеблется между двумя крайностями. Первая – признавать ничтожной любую сделку, не соответствующую лицензии или нормативам, поскольку банковское регулирование установлено в публичных интересах. Вторая – считать нарушение исключительно делом регулятора, не затрагивающим договор. Первая разрушает имущественные связи, в устойчивости которых заинтересован и сам клиент. Вторая лишает его защиты и позволяет обходить специальные ограничения условиями договора присоединения. Цель статьи – обосновать критерий, по которому определяются гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации, и проверить его на материале российского и азербайджанского права с привлечением зарубежного опыта.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», разъяснения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», а также Закона Азербайджанской Республики от 16 января 2004 г. № 590-IIQ «О банках» и Закона Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг». Для сравнения привлечены положения Закона Соединенного Королевства о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000, c. 8), Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch) в редакции от 2 января 2002 г. (BGBl. I S. 42) и доктрина Нидерландов и Швейцарии. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический методы. Последний служит основным инструментом, поскольку предлагаемый критерий строится на цели нарушенной нормы.

Специальная правоспособность и судьба сделки

Кредитная организация обладает специальной правоспособностью. Перечень банковских операций и иных сделок установлен законом, а производственная, торговая и страховая деятельность ей запрещена (ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности»). В литературе такую правоспособность характеризовали даже как исключительную [1]. Законодательное регулирование банковых операций рассматривалось как самостоятельная проблема еще М. М. Агарковым [2],

а Л. Г. Ефимова исследует банковские сделки как гражданско-правовые сделки, к которым применяются общие правила о сделках [3]. Отсюда следует, что специальная правоспособность определяет допуск к операции, но не предопределяет судьбу уже совершенной сделки. Применительно к инвестиционной деятельности задача усложняется тем, что ее границы для банков строго не определены, поскольку континентальная модель допускает совмещение банковской и инвестиционной деятельности [4, с. 130].

Российское законодательство уже отказалось от формального решения. До 2013 г. ст. 173 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ позволяла признать недействительной сделку юридического лица, не имеющего лицензии на соответствующую деятельность. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» это основание исключил. Статья 168 того же кодекса построена теперь так, что сделка, нарушающая закон, по общему правилу оспорима и ничтожна лишь при посягательстве на публичные интересы или интересы третьих лиц, причем в обоих случаях – если из закона не следует, что должны применяться иные последствия, не связанные с недействительностью. Однако п. 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» относит к публичным интересам интересы неопределенного круга лиц и признает ничтожной сделку, совершенную с нарушением явно выраженного законодательного запрета. При буквальном прочтении этого разъяснения под него подпадает почти любое банковское требование, ведь устойчивость банковской системы всегда отвечает интересу неопределенного круга вкладчиков. Тем самым формальный подход, исключенный из ст. 173, может вернуться через ст. 168. А. Г. Карапетов обоснованно настаивает на том, что императивность нормы должна устанавливаться исходя из ее цели и охраняемых ею интересов, а не только из ее формулировки [5]. То же относится и к последствиям ее нарушения. Для инвестиционной деятельности кредитных организаций эта идея требует конкретного инструмента.

Функционально-целевой критерий

Предлагаемый критерий включает четыре последовательных шага. Первый шаг состоит в установлении содержания нарушенного требования. Нужно определить, что именно ограничено – допуск к виду деятельности, объем принимаемого риска, способ поведения по отношению к клиенту или процедура допуска клиента к инструменту. Второй шаг – определение охраняемого интереса. Им может быть устойчивость кредитной организации и банковской системы, целостность рынка либо волеизъявление, осведомленность или имущество клиента. Третий шаг – установление связи этого интереса с положением контрагента по сделке, т. е. ответ на вопрос, является ли он тем лицом, ради которого установлено требование, и знал ли он о нарушении. Четвертый шаг – выбор соразмерного частноправового последствия. Это может быть только надзорная реакция, недействительность с определением круга лиц, которые вправе на нее ссылаться, возмещение убытков или специальное средство защиты, установленное законом. Если закон прямо называет последствие, оно применяется в установленных им пределах, а критерий нужен для всех остальных случаев. Вопрос о границе публичного и частного права имеет в отечественной науке давнюю историю [6]. Критерий не требует ее пересмотра. Он позволяет перевести публичное требование в гражданско-правовое последствие лишь тогда и лишь в той мере, в какой это требование охраняет интерес участника гражданского оборота. Типичные результаты проверки приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Функционально-целевая проверка нарушенных требований

Вид требования	Охраняемый интерес	Связь с контрагентом	Соразмерное последствие
Пруденциальное (обязательные нормативы, лимиты вложений)	Устойчивость банка, интересы вкладчиков и кредиторов в целом	Контрагент не входит в круг охраняемых лиц	Надзорные меры; сделка действительна, если закон прямо не предусматривает иное
Разрешительное (согласие регулятора на отдельную сделку)	Контроль регулятора за структурой рисков и участием в капитале	Зависит от осведомленности контрагента	Оспоримость по иску регулятора при недобросовестности контрагента
Допуск к деятельности (лицензия на вид услуг)	Защита клиентов от исполнителя без допуска	Клиент – охраняемое лицо	Защита клиента; недействительность не обращается против него
Правила поведения и допуска клиента (тестирование, раскрытие, уместность)	Волеизъявление, осведомленность и имущество клиента	Клиент – охраняемое лицо	Оспаривание по ст. 178, 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, возмещение убытков, специальные средства по закону

Источник: составлено автором.

Пруденциальные ограничения – не порок сделки

Обязательные нормативы, в том числе ограничения вложений в акции (доли) других юридических лиц, установлены Инструкцией Банка России от 29 ноября 2019 г. № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией». Их цель – ограничить риск, который банк принимает на себя, и тем самым защитить вкладчиков и кредиторов банка в целом. Контрагент по инвестиционной сделке, например эмитент или продавец приобретенных банком акций, к числу охраняемых лиц не относится и обычно

не может знать, нарушает ли конкретная сделка норматив, рассчитываемый по всему балансу банка. Признание такой сделки недействительной не восстановит устойчивость банка, а реституция может привести к еще большим потерям. Поэтому реакцией на нарушение служат меры, предусмотренные ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», – от штрафа до ограничения операций. Законодатель вправе установить иное, но должен сделать это прямо. Если, например, сделка по приобретению значительного участия требует предварительного разрешения регулятора, оправданно предусмотреть ее оспоримость по иску регулятора при условии, что другая сторона знала или должна была знать об отсутствии разрешения. Сходным образом вопрос решается в английском праве. Нарушение уполномоченным лицом правил регулятора по общему правилу не делает сделку недействительной или не подлежащей исполнению (s. 138E Закона Соединенного Королевства о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000, c. 8)). Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch) в редакции от 2 января 2002 г. (BGBl. I S. 42) признает ничтожной сделку, нарушающую законный запрет, лишь если из закона не следует иное (§ 134), т. е. также отсылает к цели запрета.

Требования, установленные в интересах клиента

Иначе обстоит дело с требованиями, которые непосредственно защищают клиента. К ним относятся обязанность провести тестирование неквалифицированного инвестора до исполнения поручения о совершении сложной сделки (ст. 51.2-1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), требования к инвестиционному консультированию и к раскрытию рисков (ст. 6.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), режим квалифицированных инвесторов. Здесь охраняемый интерес и контрагент совпадают. Соответственно, нарушение оценивается в трех плоскостях. Первая плоскость – действительность волеизъявления. Если клиент не получил предписанной информации или не прошел обязательной проверки, его согласие может быть сформировано под влиянием существенного заблуждения или умолчания (ст. 178, 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ). Вторая плоскость – надлежащее исполнение, поскольку публичное требование конкретизирует стандарт поведения профессионального участника и его нарушение есть нарушение обязательства. Третья плоскость – возмещение убытков. Если закон сам устанавливает специальное последствие, например обязанность брокера по требованию клиента выкупить инструменты, приобретенные без надлежащего тестирования, или возместить потери, оно применяется в указанных законом пределах и не исключает общих средств защиты там, где закон их не исключает. Принципиально важно, что недействительность сделки, совершенной с нарушением требования, установленного в интересах клиента, не должна обращаться против него. Ссылаться на нее вправе клиент, но не кредитная организация, допустившая нарушение. Иначе банк получал бы возможность расторгнуть невыгодную для себя сделку, сославшись на собственное нарушение.

Зарубежный опыт подтверждает такую асимметрию. Английский закон лишает исковой силы против клиента договор, заключенный лицом, не имеющим разрешения на регулируемую деятельность, оставляя суду возможность признать его исполнимым, если это справедливо (s. 26, 28 Закона Соединенного Королевства о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000, c. 8)). Одновременно тот же закон предоставляет частному лицу иск о возмещении убытков за нарушение правил регулятора (s. 138D). О. О. Чередниченко показывает, что европейские правила о розничных инвестиционных услугах все в большей степени определяют содержание частноправовых обязанностей посредника, хотя формально установлены публичным правом [7]. В нидерландской доктрине обсуждается, порождает ли нарушение публично-правовых информационных обязанностей заблуждение в гражданско-правовом смысле [8]. Практика по делам о «effectenlease» распределяла убытки между банком и клиентом с учетом как нарушения банком обязанности заботливости, так и собственной неосмотрительности клиента [9]. В швейцарской литературе предметом дискуссии остается вопрос о том, в какой мере публично-правовые проверки уместности и пригодности услуги определяют гражданско-правовую ответственность финансового посредника [10]. Во всех этих правопорядках последствие выбирается по цели нарушенного правила, а не по его принадлежности к публичному праву.

Для российской практики этот вывод значим потому, что инвестиционные продукты все чаще предлагаются банком в собственном приложении, а розничный инвестор становится массовым участником рынка [11]. Банк России фиксирует в рамках поведенческого надзора случаи, когда клиенту под видом консультации предлагается конкретный продукт, а Роспотребнадзор и Банк России делят полномочия по защите потребителей финансовых услуг [12]. Надзорные меры в та-

ких случаях не восстанавливают имущественное положение клиента, и эту задачу решает только гражданско-правовое последствие. Вместе с тем квалификация отношения как инвестиционной услуги, а не обычной купли-продажи, остается предметом дискуссии [13], как и требования к форме договора об инвестиционном консультировании [14]. Функционально-целевой критерий снимает часть этих споров. Важна не формальная квалификация договора, а то, какое требование нарушено и чей интерес оно охраняет.

Цифровые права и азербайджанский опыт

Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» содержит требования обоих типов в одном акте. Требования к внутреннему контролю, управлению рисками и раскрытию информации цифровым депозитарием (ст. 43, 46, 48) по своей цели близки к пруденциальным. Обязанность ежедневно сверять количество учитываемых цифровых прав, восстанавливать учет либо возмещать депонентам убытки и правило о недопустимости обращения взыскания на цифровые права клиентов по обязательствам депозитария (ст. 25) непосредственно защищают имущество клиента, и закон сам связывает с их нарушением частноправовое последствие. Инфраструктура выпуска и обращения цифровых прав строится так, что кредитная организация может одновременно выступать оператором системы, депозитарием и контрагентом клиента [15]. Поэтому разграничение требований по их цели приобретает здесь особое значение. Одна и та же организация нарушает разные по природе обязанности, и последствия должны различаться.

Азербайджанское право решает исходный вопрос иначе. Закон Азербайджанской Республики от 16 января 2004 г. № 590-IIQ «О банках» определяет банк через исключительное право на привлечение депозитов и выдачу кредитов и ограничивает его участие в капитале других юридических лиц (ст. 1, 30, 32). Закон Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг» относит оказание инвестиционных услуг к исключительному предмету деятельности инвестиционной компании (ст. 30.3, 30.4) и допускает их оказание банками на основании специальной лицензии (гл. 8-1). Так, 7 мая 2025 г. Центральный банк Азербайджанской Республики выдал ОАО «Халг Банк» лицензию на прием и исполнение клиентских поручений и ряд других инвестиционных услуг. Разграничение функций сделано здесь явнее, чем в российском праве, что облегчает первые два шага проверки. Тот же закон закрепляет оценку уместности услуги и обязанность предупредить клиента, если услуга ему не подходит (ст. 15, 22, 29 Закона Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг»). Однако гражданско-правовые последствия нарушения этих требований банковским законодательством не определены, и вопрос решается общими нормами гражданского права о недействительности сделок. Следовательно, критерий необходим и в азербайджанском праве, поскольку без него суд вынужден выбирать между недействительностью и отсутствием последствий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации должны определяться по функционально-целевому критерию. Он требует установить содержание нарушенного требования, охраняемый им интерес, связь этого интереса с положением контрагента и соразмерное частноправовое последствие. Требования, направленные на устойчивость кредитной организации, и обязанности, непосредственно защищающие волеизъявление, осведомленность или имущество клиента, необходимо различать. Нарушение пруденциального ограничения само по себе не следует отождествлять с пороком заключенной сделки, на него реагирует регулятор. Нарушение требования, установленного в интересах клиента, оценивается с точки зрения действительности волеизъявления, надлежащего исполнения и права на возмещение убытков, а возможная недействительность не может быть противопоставлена клиенту, который не знал о нарушении. Если закон прямо предусматривает определенное последствие, оно применяется в установленных им пределах. Такой подход в российском и азербайджанском праве исключает как устранение специальных ограничений через договор, так и необоснованное разрушение имущественных связей из-за любого нарушения правил профессиональной деятельности. В целях его закрепления предлагается дополнить Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» правилом, согласно которому нарушение кредитной организацией требований, установленных в публичных интересах, не влечет недействительности сделки, если закон не предусматривает такое последствие прямо либо если оно не вытекает из цели нарушенного требования. При определении последствий суд должен учитывать, чьи интересы охраняет требование, осведомленность контрагента, возможность защиты клиента иными способами и последствия недействительности для третьих лиц.

Список литературы:

[1] Тосунян Г. А., Викулин

А. Ю. Исключительная правоспособность банка // Хозяйство и право. 1999. № 5. С. 58–63.

[2] Агарков М. М. Проблемы законодательного регулирования банковых операций // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 138–170.

[3] Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. 654 с.

[4] Пекарская Л. А. Направления и правовые формы осуществления инвестиционной деятельности банков // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 5 (114). С. 126–134.

[5] Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 100–133.

[6] Черепахин Б. Б. К вопросу о публичном и частном праве. Иркутск: Иркутская 1-я гос. типолитография, 1926. 26 с.

[7] Cherednychenko O. O. The Regulation of Retail Investment Services in the EU: Towards the Improvement of Investor Rights? // Journal of Consumer Policy. 2010. Vol. 33, No. 4. P. 403–424.

[8] Castermans A. G., den Hollander P. W. Dwaling tussen privaat- en publiekrecht // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2012. Nr. 6940. P. 563–574.

[9] Keirse A. L. M., van Onna A. De relatieve zwaarte van wederzijdse verantwoordelijkheid voor teleurstellende effectenleaseresultaten // Contracteren. 2014. No. 3. P. 64–75.

[10] Sethe R., Fahrländer L. Angemessenheits- und Eignungsprüfung nach FIDLEG // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht. 2020. Nr. 6. S. 631–655.

[11] Островская Н. Б. Правовой статус розничного инвестора в условиях усиления роли финансового рынка в финансировании трансформации экономики Российской Федерации // Финансовое право. 2025. № 2. С. 24–26.

[12] Климов В. В. Уполномоченные субъекты в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации (на примере Банка России и Роспотребнадзора) // Юридическое образование и наука. 2024. № 3. С. 33–37.

[13] Веснин А. Е. О понятии инвестиционных услуг: правовой аспект // Юрист. 2026. № 1. С. 14–19.

[14] Бауэр Р. Э. О форме договора об инвестиционном консультировании // Юрист. 2024. № 2. С. 8–13.

[15] Пепеляева Л. В. Правовые основы и практика создания инфраструктуры по выпуску и обращению цифровых прав // Юрист. 2026. № 4. С. 39–46.

References:

[1] Tosunyan G. A., Vikulin A. Yu. Exclusive legal capacity of the bank // Economy and law. 1999. № 5. S. 58-63.

[2] Agarkov M. M. Problems of legislative regulation of banking operations // Agarkov M. M. Selected works on civil law: in 2 vols. T. 2. M.: Center YurInfoR, 2002. S. 138-170.

[3] Efimova L. G. Banking transactions: law and practice. M.: NIMP, 2001. 654 pp.

[4] Pekarskaya L. A. Directions and legal forms of investment activities of banks // Current problems of Russian law. 2020. T. 15, NO. 5 (114). S. 126-134.

[5] Karapetov A. G. Freedom of contract and limits of imperatives of civil law norms // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 11. S. 100-133.

[6] Cherepakhin B. B. On the question of public and private law. Irkutsk: Irkutsk 1st state. typolithography, 1926. 26 pp.

[7] Cherednychenko O. O. The Regulation of Retail Investment Services in the EU: Towards the Improvement of Investor Rights? // Journal of Consumer Policy. 2010. Vol. 33, No. 4. P. 403–424.

[8] Castermans A. G., den Hollander P. W. Dwaling tussen privaat- en publiekrecht // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2012. Nr. 6940. P. 563–574.

[9] Keirse A. L. M., van Onna A. De relatieve zwaarte van wederzijdse verantwoordelijkheid voor teleurstellende effectenleaseresultaten // Contracteren. 2014. No. 3. P. 64–75.

[10] Sethe R., Fahrländer L. Angemessenheits- und Eignungsprüfung nach FIDLEG // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht. 2020. Nr. 6. S. 631–655.

[11] Ostrovskaya N. B. Legal status of a retail investor in the context of the strengthening role of the financial market in financing the transformation of the economy of the Russian Federation // Financial law. 2025. № 2. S. 24-26.

[12] Klimov V.V . Authorized entities in the field of protection of the rights of consumers of financial services in the Russian Federation (on the example of the Bank of Russia and Rospotrebnadzor) // Legal education and science. 2024. № 3. S. 33-37.

[13] Vesnin A.E. On the concept of investment services: legal aspect // Lawyer. 2026. № 1. S. 14-19.

[14] Bauer R.E. On the form of an investment advisory contract // Lawyer. 2024. № 2. S. 8-13.

[15] Pepelyaeva L.V. Legal foundations and practice of creating infrastructure for the release and circulation of digital rights // Lawyer. 2026. № 4. S. 39-46.